

ВВЕДЕНИЕ

Охрана жизни человека в современном обществе приобретает значение первостепенной важности. Среди всех социальных и правовых благ личности жизнь рассматривается как основная ценность, поскольку в случае смерти человека все остальные права и свободы утрачивают свой смысл. Уголовный запрет на лишение человека жизни хотя и не является абсолютной гарантией защиты жизни отдельного человека, тем не менее свидетельствует о готовности государства охранять данное благо. Поэтому разработанность и совершенство юридической конструкции составов преступных деяний против жизни чрезвычайно важны для уголовно-правовой системы каждого государства.

Систему преступных деяний против жизни стран общего права, к которым принадлежат уголовно-правовые модели исследуемых в данной работе Англии, США и Канады, всегда отличало наличие специфических, присущих только данной правовой системе преступлений и уголовно-правовых институтов, своеобразное построение самой системы. Необходимо отметить, что существующие преступные деяния против жизни, основы которых были заложены еще в английском общем праве, в последнее время выступают объектом реформ, задача которых — изменить во многом архаичные, не отвечающие потребностям времени нормы так, чтобы они максимально соответствовали современным принципам уголовной ответственности.

Обращение к правовым системам зарубежных стран всегда позволяло решать самые разные задачи, начиная от познания правопорядка другого государства и заканчивая возможностью использовать полученные в результате проведенного исследования знания для усовершенствования правопорядка собственного. И если еще относительно недавно интерес, проявляемый к сравнительному уголовному праву, носил, скорее, академический характер, то сегодня, в обстановке опре-

деленного сближения правовых систем, знание зарубежного уголовного права является настоящей необходимостью. Во многом данная необходимость диктуется интенсификацией процессов глобализации в последние десятилетия, что ставит перед сравнительным уголовным правом ряд новых вопросов методологического, идеологического и, несомненно, практического характера, будь то поиск новых подходов к изучению правовых систем или правовых традиций как объектов исследования на макроуровне или создание универсальных гуманистических и прогрессивных принципов, примером которых, в частности, выступает идея гуманизации уголовного права, нашедшая отражение в отказе от смертной казни, появлении новых видов наказаний, не связанных с лишением свободы, развитии особых условий уголовной ответственности несовершеннолетних, расширении числа обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, и т.д.¹

Сравнительное исследование дает юристу возможность выявить и учесть существующие достоинства и недостатки при формулировании принципов и оснований уголовной ответственности, при решении вопросов преступности и наказуемости конкретных деяний. Еще в начале прошлого века В.М. Хвостов написал: «Лучшим средством для того, чтобы углубить познания в праве своей страны, является сравнение его с каким-либо другим; сравнение дает повод ставить вопросы о характере замеченных различий и их причинах и в связи с этим заставляет глубже вникать в изучаемый материал»².

В.Н. Додонов, отмечая стремительное развитие уголовного права в последние годы, называет следующие основные тенденции: гуманизацию уголовного права, криминализацию новых видов общественно опасных деяний и интернационализацию уголовного права³. Представляется, что наиболее динамично круг общественно опасных деяний, признаваемых преступлениями, будет пополняться за счет появления новых общественных отношений главным образом в сфере новых технологий, например, в области медицины, информации, энергетики, экологической безопасности.

---

¹ О влиянии процессов глобализации на развитие науки сравнительного уголовного права см. подробнее: *Малешина А.В.* Развитие сравнительного уголовного права в условиях глобализации // Научные основы уголовного права и процессы глобализации: Материалы V Российского конгресса уголовного права / Под ред. В.С. Комиссарова. М., 2010. С. 342–346.

² *Хвостов В.М.* Система римского права. Общая часть. М., 1996. С. 11.

³ См.: *Додонов В.Н.* Сравнительное уголовное право. Общая часть. М., 2009. С. 12–28.

Несмотря на то что российское право по многим параметрам тяготеет к континентальной правовой системе, у исследователей сформировалась тенденция обращения к нормам и институтам стран общего права. Это позволило продемонстрировать, что, вопреки многим внешним различиям, между двумя системами нет каких-либо непроходимых границ, которые не позволили бы изучать нормы другой системы с целью совершенствования собственного законодательства. При этом нередко происходит обращение именно к убийству, поскольку, как в свое время верно отметил М.Д. Шаргородский, «...большинство проблем Общей части уголовного права – вопрос о субъективной стороне состава, вопрос о причинной связи, вопросы о соучастии, о приготовлении и покушении – в значительной мере решались именно в связи с этим конкретным преступлением»¹.

Вместе с тем система преступных деяний против жизни одним лишь убийством не ограничивается, и целый ряд деяний, объектом которых выступает жизнь человека, просто выпадает из поля зрения, что создает неверное впечатление о действующих в данной области уголовно-правовых нормах.

Существует, таким образом, совершенно очевидная необходимость всестороннего исследования, дающего развернутый анализ важных проблем регламентации уголовной ответственности за преступления против жизни в странах общего права, а также освещающего новеллы законодательства и тенденции реформирования преступных деяний против жизни.

Предметом исследования выступили нормы законодательства, устанавливающие уголовную ответственность за преступные деяния против жизни в уголовном праве Англии, США и Канады, судебная практика и основные доктринальные концепции. Несмотря на идентичные категории преступных деяний и предусмотренные за их совершение наказания, законодатели и правоприменители названных стран во многих аспектах по-разному подходят к определению принципов уголовно-правового воздействия на преступность, установлению круга преступлений, назначению и применению наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

Если говорить о тенденциях реформирования, то применительно к тяжкому убийству, например, они сводятся к следующим основным направлениям. Прежде всего, прояснений требует психический

---

¹ Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья / Избранные работы по уголовному праву. СПб., 2003. С. 411.

элемент тяжкого убийства — намерение или «злое предумышление», — понятийный аппарат которого казуистичен, сумбурен и местами архаичен. Определенные виды психического элемента, конститутивные для тяжкого убийства, также нередко выступают объектом критики в силу своего несоответствия, исходя из характера и степени общественной опасности, столь серьезной категории преступлений. В данном случае больше всего сомнений в правильности отнесения к *mens rea* тяжкого убийства вызывает конструктивное намерение, которое все еще применимо в концепции *felony murder rule*, намерение причинить тяжкий телесный вред, а также неосторожное причинение смерти, как в случае с распространенным в североамериканских штатах убийством, демонстрирующим крайнее пренебрежение человеческой жизнью, — *depraved heart murder*.

Второй аспект ответственности за тяжкое убийство, чаще всего подвергающийся критике, связан с предусмотренным за его совершение наказанием, коим является пожизненное лишение свободы либо (в ряде североамериканских штатов) смертная казнь. Проводимые реформы имеют своей целью изменить сложившуюся систему назначения наказаний таким образом, чтобы она позволяла соблюдать принципы гуманизма, индивидуализации и дифференциации наказаний, учитывая «всеобъемлющий» характер категории тяжкого убийства. В Англии и Уэльсе, в частности, этот аспект реформы отразился в принятии Акта об уголовном правосудии 2003 г. (*Criminal Justice Act*, с. 44), «который стал одним из наиболее важных законов в реформировании уголовного правосудия в целом»¹ и ответственности за тяжкое убийство в частности, поскольку он, помимо прочего, закрепляет систему отягчающих и смягчающих обстоятельств, позволяющих варьировать минимально необходимый срок лишения свободы в рамках пожизненного лишения свободы в зависимости от обстоятельств совершенного деяния.

Существенные изменения претерпевают и нормы об ответственности за простое убийство. В частности, это касается категории простого намеренного убийства в английском уголовном праве, которая во многом трансформировалась в результате принятия Закона о коронерах и правосудии 2009 г. (*Coroner and Justice Act*, с. 25). Так, традиционные для англо-американской правовой системы основания защиты — провокация и ограниченная вменяемость — были переформулированы

---

¹ A New Homicide Act for England and Wales? A Consultation Paper № 177. The Law Comm. № 177. London, 2006. P. 23 // http://lawcommission.justice.gov.uk/docs/cp177_Murder_Manslaughter_and_Infanticide_consultation_overview_.pdf.

с учетом ранее высказанных предложений правовых комиссий и судебной практики.

Простое ненамеренное убийство в английском праве было дополнено новым видом противоправного лишения жизни другого человека – корпоративным простым убийством – после принятия Закона о корпоративном простом убийстве и корпоративном убийстве 2007 г.

Среди новых деяний, которые уголовно-правовая система общего права традиционно относит к системе преступных деяний против жизни, можно выделить преступления, объектом которых выступает плод человека на разных этапах своего внутриутробного развития. Данный подход затрагивает множество проблем не только и не столько правового характера, сколько социальных и философских. Гуманистическое общество XXI в., каким его видит и строит по крайней мере западная цивилизация, ориентировано на провозглашение, уважение и защиту высоких стандартов жизни каждого человека, и здесь возникает ряд вопросов относительно того, как эти стандарты реализовывать исходя из сложившейся системы ценностей. В частности, как определить границы жизни человека, ее начало и конец, и сохранить при этом действующую систему позитивных прав. Провозглашение принципа сакральности человеческой жизни предполагает ее неприкосновенность с момента если не зачатия, то ранних этапов внутриутробного развития, и обязанность поддерживать, независимо от «качества жизни». Тогда невольно встает вопрос об общепринятом в подавляющем большинстве государств западного мира праве женщин прерывать нежелательную беременность, а также правовом статусе эвтаназии в контексте принципа добровольности оказания медицинских услуг и праве самостоятельно определять свою судьбу. Но даже если мы будем исходить из высоких нравственных идеалов, насколько это верно – возводить систему каких-либо этических воззрений в статус преступления¹? «Можем ли мы утверждать, что самого по себе общественного осуждения достаточно, чтобы оправдать квалификацию некоторого деяния как преступления? Это кажется несовместимым с нашими традициями индивидуальной свободы и нашим знанием того, что моральные нормы, пусть даже самого большого количества людей, не могут служить гарантией истины. Если общественного осуждения недостаточно, то что же еще нужно? Не следует ли представить доказательство того, что рассматриваемые деяния причиняют ущерб определенным людям уже сегодня? Или

---

¹ См. подробнее: *Fuller Lon L. The Morality of Law. New Haven, 1964.*

же достаточно продемонстрировать их влияние на общественные обычаи и установления, которое вызывает изменения в социальной среде и таким образом косвенно затрагивает каждого члена общества? Если верно последнее, следует ли также показать, что эти социальные изменения угрожают нанести некий типичный долгосрочный ущерб вроде роста преступности или падения производительности труда? Или же можно было бы обойтись доказательством того, что в большинстве своем члены современного общества с сожалением восприняли бы такие изменения? Много ли в таком случае добавляет наш довод о причиняемом ущербе к простому доводу об общественном осуждении?»¹ С этих позиций уголовное право должно быть отделено от любых моральных норм и служить исключительно целям сохранения общественного порядка.

Превалирующая концепция всесторонней охраны от внешнего вмешательства со стороны третьих лиц и государства при отсутствии серьезных законных оснований, признания и уважения автономии лица нашла выражение в наметившейся тенденции декриминализации ассистированного самоубийства, осуществляемого в соответствии с предусмотренным законом порядком в ряде североамериканских юрисдикций и в Канаде. Положительный опыт применения данной процедуры в отдельных штатах, в частности Орегон и Вашингтон, во многом изменил общественные взгляды на этико-правовую проблему практической реализации данной группы соматических прав в сторону их признания.

Определенная медлительность в проведении реформ отчасти объясняется тщательным обдумыванием каждого нового шага законодателя, поскольку «ломать» приходится проверенные временем и судебной деятельностью, «покоящиеся» на продуманной, складывающейся годами доктрине институты. И поставленная задача в силу объективных причин не является легкой. «Значимость смерти человека с точки зрения морали требует от правовой нормы тщательной дифференциации уголовной ответственности в зависимости от формы виновности. Но факторов, определяющих форму виновности, слишком много. Поэтому реформы можно оценивать по шкале, верхнее и нижнее значение которой выражено в их крайнем проявлении. Одна из крайностей заключается в том, чтобы выбрать наиболее значимые факторы, определяющие формы и степень вины, и инкорпорировать их в дефиниции преступных деяний

---

¹ Дворкин Р. О правах всерьез / Пер. с англ.; ред. Л.Б. Макеева. М., 2004. С. 326–327.

и оснований защиты, обозначив их тем самым максимально точно. Достоинство данного подхода в том, что закон применяется и толкуется согласованно и непротиворечиво. Но такая норма утрачивает гибкость. Впоследствии это может привести к тому, что деяния, не обладающие столь высокой степенью общественной опасности, будут отнесены к категории более тяжких преступлений. Вторая крайность выражается в том, чтобы при определении преступных деяний широко прибегать к моральным нормам. Подобный подход позволяет принять в расчет все факторы. Но в конечном итоге это приведет к непоследовательности. Несогласованность мнений судей относительно того, какие факты следует признать морально релевантными и как их оценивать, закончится тем, что аналогичные дела будут решаться по-разному»¹.

Целью данной работы было комплексное изучение вопросов построения и регламентации ответственности за совершение преступных деяний против жизни в уголовном праве Англии, США и Канады, их законодательного закрепления, практики применения норм, анализ возможных путей реформирования существующих составов.

Настоящая работа представляет собой первое за последнее время комплексное монографическое исследование системы преступных деяний против жизни в Англии, США и Канаде. Работа построена на критическом анализе действующих норм Англии, США, Канады, устанавливающих ответственность за преступные деяния против жизни, основана на изучении не только нормативных актов, но и значительного числа прецедентов, на их доктринальном толковании. В работе впервые проведен систематический анализ преступлений против жизни с учетом последних изменений законодательства и появившейся практики. Все деяния, объектом посягательства которых выступает жизнь человека в ее понимании юристами изучаемых стран, систематизированы с использованием сложившихся в методологии традиций. Автором избран подход рассмотрения существующих норм в динамике, начиная с момента их зарождения, последующего развития и трансформации и заканчивая перспективами дальнейшего существования и тенденциями реформирования.

В монографии затронуты многие актуальные проблемы биоэтики в их уголовно-правовом контексте, а также способы решения

---

¹ *Tadros V. The Homicide Ladder // The Modern Law Review. 2006. Vol. 69. № 4. P. 617.*

сложных правовых и этических вопросов в правопорядках, которые стали объектом исследования. Также в работе содержатся конкретные рекомендации по совершенствованию российского уголовного права.

И даже если специалисты обнаружат, что данная работа не может предложить им ничего нового в их узкой области, они все равно, вероятно, будут рады возможности расширить свои знания об интересующем их предмете за счет информации из других исследовательских сфер.

ГЛАВА 1

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЖИЗНИ В АНГЛИИ, США И КАНАДЕ